

«ПРИЗРАК» пересекает ЗАМБЕЗИ

П О В Е С Т Ь

ЛЕВ БЕРИНГОВ

События этой повести основываются на реальных фактах. В Южно-Африканской Республике существует немало различных секретных подрывных групп расистов. Одна из них связана с «Оссева брандваг» — полувоенной организацией белых поселенцев, основанной в 1938 году профашистскими элементами ЮАР. Эта группа занимается выявлением и физическим уничтожением прогрессивных африканских деятелей, потенциально опасных для расистских режимов в Южной Африке. Группа имеет своих агентов в Лесото, Ботсване, Свазиленде, Анголе, Мозамбике, Малави, Родезии и в ряде других африканских государств. Эти агенты разъезжают по странам Африки, пользуясь паспортами третьих стран, и, выступая как иностранные журналисты или политические беженцы, ведут подрывную деятельность против независимых африканских государств.

В повести «Призрак» пересекает Замбези» действие частично происходит в несуществующей африканской стране Аталии; ею, впрочем, может быть любое независимое государство Африки, на которое устремляют свой взор южноафриканские империалисты.

Как и в любом литературном произведении, в повести есть доля вымысла. Однако все данные, относящиеся к антиафриканским планам расистов ЮАР, — сведения подлинные, заимствованные автором из сообщений мировой печати и информационных агентств.

ФРАУ ШПЕХТ СНОВА ДУРНО

МЕСЬЕ Альбер не спустился к завтраку, и фрау Шпехт решила открыть его комнату своим ключом: постоялец не отзывался ни на стук, ни на телефонные звонки. И вот тогда хозяйке гостиницы «Голубое кольцо» опять стало дурно — видимо, от внезапного страха и невольного омерзения, когда она стянула перину с лица задушенного... Первый раз такое случилось с нею лет тридцать назад, когда на перекрестке у светофора вдруг распахнулась дверца автофургона, и с груды тел на брусчатку мостовой сполз иссохший труп голого существа совсем не человеческого вида. Фрау Шпехт впервые взглянула тогда на фургон. До этого он как-то не привлекал ее внимания, хотя проезжал мимо гостиницы по нескольку раз в день; на кузове значилось: «Мясо и колбасные изделия Румперта».

Вдова — впрочем, нет, тогда она еще не была вдовой — едва успела вбежать в ближайшую подворотню. Ее стошнило. Ночью, жарко дыша ей в ухо, муж рассказал про то, о чем давно знал и молчал весь город: так транспортировали трупы «красных» из концлагеря на горе Лангсберг. Нацисты отвозили их в городской крематорий, потому что лагерный стационар не справлялся с нагрузкой. Каждый день от голода и непосильной работы погибали сотни заключенных.

С тех пор вплоть до апреля сорок пятого года фрау Шпехт все казалось, будто западный ветер, пронсящий над городом низкие дождевые облака, пахнет жженым волосом и горелым человеческим мясом. Правда, никаких угрызений совести она в то время не испытывала: каждому — свое. Так, говорят, было выписано чугунной вязью на воротах концлагеря на горе Лангсберг. Да, каждому свое. Бандиту и вору — тюремная решетка, бунтовщику против законной власти — колючая проволока лагеря уничтожения, лояльному гражданину, каким был ее муж Густав, — почетная смерть за фатерланд и фюрера.

Тридцать лет назад фрау Шпехт была в этом твердо убеждена. Да и теперь страшный конец месье Альбера, казалось, взволновал ее лишь постольку, поскольку это бросало мрачную тень на гостиницу.

Порядочных людей не душат по ночам в собственной постели. Она, фрау Шпехт, с первого взгляда поняла, что этот месье Альбер вовсе не джентльмен, каким хотел казаться. «По правде говоря, милочка,— делилась она с соседками,— он мне сразу пришелся не по душе. Вы, конечно, можете надо мной смеяться, если хотите, но я верю в телепатию, в то, что бывают, в общем, какие-то таинственные магнетические связи, не правда ли? Науке еще многое неизвестно! В полиции я им прямо все так и выложила, мне-то скрывать нечего, меня здесь давно все знают, я порядочная женщина, только каково в наше время одной, без мужчины, тянуть на себе такую обузу, я не вправе капризничать и выбирать себе постояльцев, если номера пустуют по полгода! Но этот месье Альбер, поверьте, как-то сразу показался мне не таким, как все, хотя вообще-то он по внешности — настоящий ариец, высокий, хотя и в летах, не мальчик, ничего не скажешь, но сильный мужчина и весьма учтивый. А загорелый, словно матрос южных морей, да, да! Вот, послушайте...»

Тут фрау Шпехт обычно доставала из сумочки пачку газетных вырезок, водружала на нос очки в металлической оправе и читала, почти не заглядывая в текст заметок. Она заучила их наизусть, нанося визиты многочисленным знакомым, в которых обычно не испытывают недостатка жители маленьких провинциальных городов.

«Абендцайтунг», 6 мая 1968 года.

Кошмарное преступление в отеле «Голубое кольцо»

Сегодня утром в полицейском управлении города раздался телефонный звонок. «Его задушили!» — взволнованно сообщила фрау Шпехт, владелица отеля «Голубое кольцо». Речь шла об одном из постояльцев, который поселился в отеле три дня назад, предъявив швейцарский паспорт на имя Альбера, журналиста. Инспектор полиции Браунер сообщил, что, по данным предварительной экспертизы, несчастный был умерщвлен между четырьмя и пятью часами утра. Убийца проник в отель через окно пустующего номера цокольного этажа. Комнату месье Альбера, как называет покойного уважаемая фрау Шпехт, он открыл отмычкой. Судя по тому, что убийца не оставил никаких следов, дело идет о преднамеренном убийстве, совершенном профессионалом. Этот вывод подтверждается и тем обстоятельством, что убийца снова запер за собой дверь номера с бездыханным уже швейцарским журналистом. Инспектор Браунер отмечает, что, судя по бурому загару, покрывавшему лицо и руки убитого, последний несколько лет провел в тропиках. Инспектор Браунер затрудняется ответить, почему жертва, имея для этого все физические возможности, не оказала сопротивления убийце.

«Лангсбергштадткурир», 7 мая 1968 года.

Гангстеры сводят счеты

Таинственное убийство в гостинице «Голубое кольцо» продолжает не на шутку тревожить всех жителей нашего города. Сакраментальная фраза: «Убийца среди нас!» — начинает овладевать умами многих граждан, внося взаимное недоверие и общественный разлад.

— Для этого нет никаких оснований, решительно никаких! — уверенно заявляет инспектор полиции

Браунер, который неумоимо продолжает расследование загадочного преступления. По мнению инспектора, дело идет о сведении счетов между членами международной шайки гангстеров. Как явствует из показаний фрау Шпехт, пользующейся в Лангсбергштадте безупречной репутацией, «месье Альбер» появился в ее гостинице под вечер 2 мая. Он прибыл на двухместной спортивной машине с номерным знаком Лозанны. «Месье Альбер» предъявил паспорт швейцарского гражданина, но говорил по-немецки с заметным саксонским акцентом. «Месье Альбер» уплатил за неделю вперед, предупредив, однако, что срок его пребывания, возможно, будет продлен в зависимости от хода дел в Лангсбергштадте. Фрау Шпехт отметила в своих показаниях, что ее постоялец все три дня не выходил на улицу, питаясь внизу, в кафе гостиницы.

Небольшой саквояж, с которым прибыл в город «месье Альбер», найден в номере запертым; вещи его не тронуты. Под подушкой убитого обнаружен пистолет английского производства. Из-под сиденья автомашины полиция извлекла автомат с маркой «Сделано в Израиле». **ПОЧЕМУ УБИЙЦА НЕ ПОЛУЧИЛ ПРЕДНАЗНАЧАВШУЮСЯ ЕМУ ПУЛЮ?**

«Абендцайтунг», 7 мая 1968 года.

В последний час!

Этот номер уже был в наборе, когда вдруг в редакцию позвонил инспектор Браунер. Он сообщил: вскрытие показало, что накануне убийства жертва приняла или была вынуждена принять сильную дозу снотворного. **КТО СООБЩИК УБИЙЦЫ, ПРОНИКШЕГО В ОТЕЛЬ «ГОЛУБОЕ КОЛЬЦО»?!**

«Лангсбергштадткурир», 9 мая 1968 года.

Дело месье Альбера осложняется

Как мы уже сообщали, инспектору Браунеру, проявившему в ходе следствия по этому чрезвычайно запутанному делу незаурядные способности криминалиста-аналитика, удалось установить, что Грегвар Альбер, он же Хенрик Моффет, он же Хайнц Крамер, бывший рядовой дивизии СС «Мертвая голова», 1920 года рождения, бежал в 1945 году в Южную Африку с документами убитого им английского летчика, участвовал в боях в Конго и вернулся в Европу вместе с группой белых наемников. Как известно, по инициативе Красного Креста эта группа была недавно вывезена на самолете из Руанды в Италию. Однако результаты, полученные неумолимым инспектором Браунером, ставят перед следствием новые трудно разрешимые вопросы. Что именно побудило Крамера вернуться в ФРГ? Когда и каким образом он получил швейцарское гражданство, вновь сменив имя и профессию? И, наконец, кто же все-таки его убийца? Кто сообщник убийцы?..

На этом коллекция вырезок вдовы Шпехт исчерпывалась: следствие по делу «месье Альбера» зашло в тупик. Но если бы фрау Шпехт не столь рьяно отстаивала свою добропорядочность и не столь часто возмущалась своей роковым образом опороченной репутацией хозяйки гостиницы, забывая иногда сказанное несколько дней назад, инспектору Браунеру никогда бы не пришлось в голову спросить ее:

— Скажите, фрау Шпехт, зачем вы подсыпали снотворное этому Хайнцу Крамеру?

ПРОСТО ДЕЛОВОЕ СОВЕЩАНИЕ

Оставляя далеко позади Йоганнесбург, окантованный пирамидами терриконов, лимузины мчались на восток. По обеим сторонам шоссе мелькали низкие фабричные строения, перед названиями которых часто стояли слова «Англо-америкэн», молочные фермы, склады сыра, загоны для скота, превращенные в автостоянки, покрытые копотью поля без конца и края.

Когда терриконы наконец исчезли в сизой утренней дымке, лимузины, замедлив скорость, свернули влево, на дорогу с предупреждающей надписью: «Частное владение. Въезд запрещен!». Через регулярные промежутки от стволов деревьев отделялась фигура часового в широкополой шляпе; оттягивая книзу пояс, из открытой кобуры торчала рукоятка многозарядного пистолета. Пассажиры на задних сиденьях отдергивали шторку, показываясь в окне, словно предъявляя удостоверение личности. Бегло заглянув в окно из пуленепробиваемого стекла, часовые резким взмахом руки отдавали приветствие и снова растворялись под сводами аллеи смоковниц.

Лимузины остановились около двухэтажного дома с окнами в узорчатых рамах, с высокими печными трубами. Только вертолеты на лужайке за дворовыми службами нарушали стиль викторианской эпохи, в котором была выдержана вилла и цветник перед ней. Лопасты винта одной из машин еще подрагивали, а внутри что-то вздыхало и погромыхивало. Казалось, серебристое насекомое с опознавательными знаками правительственных ВВС никак не могло угомониться после дальнего перелета.

Гостей учтиво встретил мажордом и самолично развел по комнатам, предупредив, что заседание, как и намечалось, состоится на веранде.

Европейская прислуга клуба всегда несколько шокировала приезжающих из Родезии, где не привыкли видеть белого человека в роли слуги. Однако в клубе строго придерживались завета старого ван Ренсбурга, который вместе с солидным кушем на строительство виллы отдал категорический приказ:

— Никаких кафров не подпускать на пушечный выстрел! Я не потерплю либерализма, который погубил славное дело великого фюрера! Только излишняя доброта помешала Гитлеру завершить историческое начинание. Низшая раса — все эти поляки, французы, украинцы, русские и прочие недочеловеки, все эти миллионы всегда готовы восстать, должны были немедленно уничтожаться вторыми эшелонами наступающих войск вермахта. Пытаться приручить их я считаю недопустимым прекраснотушением. Партизанский второй фронт — вот что сгубило великую Германию. У нас его не будет!

Сначала разделение по расам, апартхейд, а затем, по мере развития автоматической техники обслуживания, и поголовная стерилизация всех африканцев с тем, чтобы гарантировать в будущем их полное исчезновение. Таково было кредо покойного шефа «Оссева брандваг» — организации весьма влиятельной.

Впрочем, по утверждению некоторых, любая мысль, изреченная оберфашистом Южной Африки, вкладывалась в него не кем иным, как генералом «Оссева брандваг» по округу Порт-Элизабет Балтазаром Форстером. Да, Балтазаром Форстером, премьер-министром Южно-Африканской Республики, господа, ибо мы живем в прекрасное время, когда в бурную погоду у руля государственного корабля стоит верный кормчий. Ему не страшны ни пустые угрозы Вильсона, ни бунты кафров, для которых у

нас запасено достаточно крупнокалиберных пулеметов!

— За нашей спиной, господа, только море, нам некуда уходить с этой земли! И мы не собираемся никуда уходить. Вперед, на север! Наступление должно стать стратегией нашей обороны!

Новый шеф «Оссева брандваг», чье имя оставалось тайной для журналистов всего мира, удовлетворенно откинулся на спинку кресла.

Согласно неписаному кодексу секретных совещаний Большого совета «Оссева брандваг», следующее слово было за представителем «Брудербонда». И Толстяк — так звали его за глаза, — конечно, воспользовался этим правом.

— В октябре 1968 года, господа, исполняется тридцать лет с момента основания «Оссева брандваг» — штурмовой колонны нашего «Брудербонда», нашего «Союза братьев», Националистической партии и всех тех, кому дорога чистота белой расы! Я поздравляю вас, господа, с этой датой и надеюсь, что «Оссева брандваг» выполнит свой долг рыцарей апартхейда!

Пока звучали одобрительные аплодисменты, оратор по-министерски неторопливо протер платком запотевшие стекла очков, — впрочем, он и был министром.

— Еще вчера нашей главной задачей было держать в повиновении кафров и цветных, любой ценой сохраняя за собою право господства белого человека. Мы выполнили эту задачу, провозгласив и отстаивая независимость Южно-Африканской Республики. Сегодня положение изменилось. Крепость режима внутри страны зависит от ее внешнеполитического положения. Я имею в виду массив государств кафров, который навис над нами с севера, словно готовая обрушиться лавина. Эту лавину нам надо ликвидировать, уничтожить, взорвать!

Присутствующие зашептались. Наконец был назван своим именем тот кошмар, что мучил каждого ночью, заставляя увеличивать и увеличивать дозу снотворного.

Министр, отпив из рюмки, продолжал:

— Господа! Я уполномочен сообщить вам решение руководства «Брудербонда» и правительства о генеральной линии нашей стратегии. Мы считаем, что Южная Африка включает в себя Родезию, Замбию, Анголу и Мозамбик. Непосредственно к северу от реки Замбези находится второй пояс стран, попадающих под категорию наших тылов, — Конго, Кения, Танзания, Аталия и Уганда. Это означает, что в ближайшие два-три десятилетия нам представляется шанс стать лидером этнической группы, насчитывающей 70 миллионов человек и населяющей один из богатейших районов земного шара!

Подождав, пока смолкнет довольный ропот, министр объявил:

— Сегодня за этим столом, господа, я провозглашаю доктрину Монро для Южной Африки! Если американская доктрина Монро прошлого века предупредила весь мир: «Америка, Северная и Южная», — только для американцев», то наша доктрина означает, что Африка южнее Сахары — только для африканеров, подлинных хозяев африканского континента!

— Простите, министр. — Широкоплечий мужчина с седоватым ежиком волос слегка приподнялся в кресле. Орденовая планка на мундире бригадного генерала переливалась всеми цветами радуги. — Если меня не подводит память, министр, я что-то подобное уже читал в какой-то газетке. «Ландстем», кажется, а? Не происходит ли в данном случае утечка информации?

— Нет, генерал! — Широкий рот Толстяка растянулся в довольной улыбке. — Это был пробный шар. Общие контуры наших внешнеполитических концепций мы не намерены скрывать. Наоборот, полная ясность в этом вопросе повышает деловое доверие к нам со стороны здравомыслящих людей. Разрешите привести некоторые цифры, господа, даже если они кое-кому из вас известны.

Министр достал из бокового кармана пиджака изящную записную книжку и зачитал:

— За последние десять лет капиталовложения Федеративной Республики Германии в нашей стране возросли в десять раз, Соединенных Штатов Америки — втрое, капиталовложения Великобритании удвоились. Эти цифры не нуждаются, я думаю, ни в каких комментариях, не правда ли?

— Позвольте высказаться, господа!

Самый моложавый из присутствующих, кареглазый красавчик Сьют в отличие от большинства членов Совета был англичанином, а не африканером, поэтому буров. Впрочем, три поколения его предков успели вложить достаточно миллионов фунтов стерлингов в шахты и фабрики страны, чтобы Сьют-младший мог с гордостью называть себя английским африканером. Он не входил в число членов могущественного «Брудербонда», этого генштаба Националистической партии и тесного клана правителей республики. Но среди сыгранной команды Совета «Оссева брандваг» Сьют занял прочное место как полномочный представитель десятка компаний, расплачивающихся долларами или фунтами стерлингов.

— Я полностью разделяю, господа, общую концепцию, выдвинутую уважаемым господином министром. — Сьют весело оглядел присутствующих. — Однако я человек деловой и хотел бы обратить ваше внимание на следующие два аспекта. Первое: если эволюция событий в Анголе и Мозамбике уже не вызывает никаких сомнений, то с остальными нашими соседями дело обстоит несколько иначе. Мысля перспективами десятилетий, можно предположить, что такие страны, как Замбия, Уганда, Кения, Танганьика, даже Конго, скорее усилятся, чем ослабнут. Особое беспокойство в этом отношении вызывает Аталия. Промышленный потенциал этой страны огромен, а союз прежде враждебных друг другу племен малева и манелли уже сейчас представляет серьезную угрозу и для нас, и для наших союзников из Солсбери. Не секрет, что Аталия стала основной базой террористов Зимбабве.

ГИГАНТСКИЙ КРОКОДИЛ

Гигантский крокодил длиной в шесть метров и весом около тонны убит в болотах Мон на севере Ботсваны. В брюхе хищника обнаружены остатки проглоченной им обезьяны, зебры, двух коз и человека — взрослой женщины. Последний раз крокодил такой величины (около семи метров) был убит в 1955 году в Уганде.

Добыл «монское чудовище» профессиональный охотник Бобби Вилмот. Ему 50 лет, 14 лет он живет в Ботсване. На его счету — тысячи крокодилов.

Большая часть кож крокодилов из Ботсваны вывозится во Францию.

Сьют сделал светский полупоклон в сторону угловатого человека в штатском, с большими руками фермера, который одобрительно кивнул и что-то пометил в блокноте.

— Второй момент, на мой взгляд, — продолжал Сьют, — тоже нельзя сбрасывать со счетов. Я имею в виду возможную реакцию ООН на наш отказ признать недействительной опеку над Юго-Западной Африкой. Под давлением афро-азиатской группы и, разумеется, коммунистов Генеральная Ассамблея может принять решение о посылке в Юго-Западную Африку нескольких батальонов «голубых касок». Как представитель деловых кругов, я бы хотел, господа, получить на этот счет ясный ответ.

Генерал поднялся, широко улыбаясь, как человек, которому позволили, наконец, рассказать про свое заветное хобби. Выдерживая должную паузу, он посмотрел вниз, в сад, где среди цинный бегала с мячом девочка в тюлевом платье. Казалось, она привыкла веселиться одна.

— Сначала я отвечу, — начал генерал, — на самый легкий вопрос мистера Сьута. Пусть только сунутся! Наша армия и резервные силы готовы выставить 250 тысяч солдат, которые скинут в океан ооновских нагледцов. Пусть только сунутся! Наши вооруженные силы полностью обеспечены превосходящим оружием. Вопреки эмбарго на вооружение, оружие из Англии бесперебойно поступает в наши порты. Да и не только из Англии. На днях мы разместили военный заказ на 200 миллионов фунтов стерлингов по другую сторону Ламанша. Броневики, боевые самолеты, артиллерия — всего этого добра у нас в избытке, господа! Соединенные Штаты продают нам ежегодно более двухсот самолетов. Ведутся переговоры об оснащении нашей армии западногерманскими танками «Леопард». Через год-полтора — я вам это гарантирую! — мы будем иметь собственный подводный флот. Торпеды в брюхо — вот что будет ожидать корабли с десантом ООН у наших берегов. Пусть только сунутся!

Генерал налил себе рюмку джина, выдавил ломтик лимона, выпил залпом, вытер губы тыльной стороной ладони. Слуга у двери застыл в напряженном внимании. Большой угреватый нос его побелел от волнения.

— Эвелина! Домой, пора кушать! — позвал в сад резкий женский голос. — Все уже на столе, я жду.

Члены Большого совета заулыбались. Положив на стол сжатые кулаки, поросшие выцветшими на солнце волосками, генерал благодушно обвел взглядом членов Совета.

— Но это лишь цветочки, господа! Атомная бомба — раз, — генерал загнул толстый палец. — Газы нервного действия — у них нет ни цвета, ни вкуса, ни запаха — это два. И, наконец, ракеты — три! Мы работаем вместе с боннскими специалистами уже десять лет. Дело идет к завершению. Через год-другой мы сможем смести с континента всех черномазых от Кейптауна до Порт-Саида!

— Господа! — Шеф «Оссева брандваг» поднялся из-за стола. — На вечернем заседании мы рассмотрим ряд мероприятий по установлению благоприятных нам режимов к северу от Замбези. А сейчас я предлагаю последовать примеру маленькой Эвелины.

Оживленно переговариваясь, члены Большого совета поднялись с мест и гурьбой направились к выходу.

Солнце стояло уже высоко. Над цветником порхали пестрокрылые бабочки.

(Продолжение следует)